

Кошка Зимы

Автор:

Галина Чередий

Кошка Зимы

Галина Валентиновна Чередий

Внезапная одержимость кем-то. Что это? Безумное животное влечение? Неуёмное желание? Страсть, не поддающаяся контролю? До каких глубин она может дойти? На какие поступки толкнуть? Поддается ли осмыслению и обузданию? Дар это или настоящее мучение? Ответов нет. Но есть факт и знание: она есть. Она всепоглощающа и неотвратима. От нее нет спасения. Да так ли оно нужно? Содержит нецензурную брань.

Галина Чередий

Кошка Зимы

Да, молодость пощады не дает,

когда она не хочет слышать правды.

(Еврипид)

Глава 1

– Да-а-а-а, райончик шикардос прям, – кисло протянул Кир, презрительно осматривая двор между четырьмя пятиэтажками, как только мы вылезли из такси. Сплюнул под ноги, пнул пакет от семечек и зло зыркнул на меня.

– Нормальный район. Скажи спасибо, что вообще не на улице оказались, – огрызнулась, отказываясь в очередной раз принимать его эгоистичные упреки на свой счет. Тут моей вины нет.

На самом деле у меня и у самой аж зубы сводило от злости и обиды. Мама, как же ты могла с нами так? Из-за мужика!

– Спасибо огромное! – брат поклонился мне в пояс, кривясь. – Всю жизнь же я мечтал из элитной хаты в новостройке в жопу мира на окраине переехать. Красота, чё!

– Не мечтал, так и обрядился бы в их балахоны и ехал бы с ними мантры распевать и дзен постигать!

Достало меня все! Как будто это он один тут пострадавший. Ведет себя как капризный детсадовец.

– Может, и поехал бы, если бы ты в хлам не разосралась!

И, пнув одну из коробок, которые выгружали рабочие, он потопал в подъезд. Псих малолетний. Будто здесь и правда чисто моя вина и я не сражалась за наше прежнее жилье с этим сектантским уродом и сбрендившей матерью до последнего.

Господи, что я только не пыталась сделать! Взывала к разуму и логике у нее, плакала, умоляла опомниться, ругалась, вышвыривая к чертям их кришнаитское барахло и вонючие благовония на помойку, устраивая отвратительные сцены этому гаду Паше, что свернул мозг матери набекрень своей дурью про отъезд в Индию. С кулаками на него бросалась, выгоняя из квартиры. Под конец дошло совсем до мерзости – я вызывала то милицию, выдумывая поводы, без стыда оговаривая, то психиатрическую неотложку, сочиняя симптомы шизы. Даже взятку дать им пыталась, упрашивая забрать мать и признать какой-нибудь временно помешавшейся. Вот после этого мы и стали, похоже, окончательно чужими и даже врагами. И главное, все бесполезно. Мать объявила, что с нее

хватит нас. Нас, ее родных детей! Что мы оба с Киrom совершеннолетние, а квартира, оставшаяся после папиной гибели, принадлежит ей, и ее право делать с ней, что она пожелает. А желала она ее продать и свалить со своим Пашенькой в бесконечное паломничество, дабы просветляться, чего-то там постигать и наслаждаться обоюдным счастьем. А раз мы этому враги, то и знать она нас больше не желает, пока мы тоже мозгами не просветлеем.

Простите-прощайте, детки, и будьте безмерно благодарны, что они с Пашенькой жертвуют нам с барского плеча двушку, оставшуюся ему от бабки. Типа он ее сдавал последние лет десять, но не оставлять же нас на улице, так что берите, и досвидос. Живите, радуйтесь, не вякайте и больше не отсвечивайте.

– С пустыми руками чего пошел?! – вяло возмутилась я в удаляющуюся сутулую спину брата, но, естественно, он на меня не среагировал, скрывшись за обшарпанной дверью.

Я с тоской оглянулась. Бывают, конечно, старые дворы очень даже приличные. Лавочки в свежей краске, цветы-кусты, детская площадка там. Но точно не здесь. Щербатый асфальт с глубокими мутными лужами после вчерашнего ливня, перевернутая урна перед подъездом, мусор повсюду, сломанные доски на косых лавках с заметными следами грязных ног. Ладно, может, внутри веселее. Прорвемся как-нибудь.

Увлеченная своими безрадостными переживаниями, я наклонилась за коробкой и тут же получила смачный шлепок по ягодице. Взвизгнув, я аж взлетела над землей, отпрыгивая.

– Это что за жопа тут зачетная? Чего я ее не узнаю? – раздался хриловатый голос сзади и дружный ржач.

Не думая, что делаю, я с развороту врезала ладонью... ну... по чему попала. А попала по твердому, как деревяшка, плечу верзилы, оказавшегося за моей спиной. Вот это рост! Нормальному-то человеку как раз бы по щеке от меня прилетело, но не этому громиле. Кисть пронзило острой болью, и я зашипела, хватаясь за нее не пострадавшей рукой.

– Эй, потише, кошка, я телкам позволяю руками только в постели махать, – прищурил на меня голубые наглые зенки незнакомец и без малейшего стыда

уоставился еще и на мою грудь. – Сиськи маловаты, но сойдет. Беру!

И действительно потянулся под еще более громкий смех своих прихлебателей. Прямиком к той части моего тела, о которой только что отозвался столь уничижительно. И это при моей уверенной троечке. Да, не пятый, но для моего роста то что надо!

– Да что ты себе позволяешь, щенок! – выпалила я, хлопнув его по здоровенной лапе, и отскочила подальше, оглянувшись в поисках грузчиков. Как назло, никого, все уже ушли внутрь.

Шлепнувший меня наглец так и остался стоять с протянутой рукой. Одна его бровь приподнялась, глаза прищурились и наконец поднялись к моему лицу. Молодой, ровесник мой, если не младше. Прическа по нынешней моде: виски и затылок выбриты почти под ноль и только на макушке торчащие волосы пару сантиметров длины. Прямые широкие брови с заметным шрамом под правой. Пронзительный взгляд ярко-голубых глаз с длинными, густыми, прям девчачьими ресницами. Явно ломаный нос с крупными ноздрями. Впалые щеки. Губы будто навечно изогнутые в прилипшей к ним едкой ухмылке. Черная футболка без рукавов с изображением рок-группы, выставляющая напоказ его накаченные руки, забитые татухами. Широкие штаны, в карманы которых он сейчас и сунул кулаки, бесцеремонно продолжая меня оглядывать. Пристально, цинично, будто кусок мяса на рынке. За его спиной топтались еще трое приятелей-качков, пляющихся на меня с не меньшей наглостью. Натуральная гопота.

– Ты кто такая? – спросил меня засранец номер один. – Новенькая на районе?

– Не твое дело! – огрызнулась я. – Кто ты такой, чтобы перед тобой отчитываться? Идите, куда шли!

– А ты не попутала ли... – зло начал один из его прихлебателей, но этот гопник цыкнул зубом, не оборачиваясь, и он захлопнулся.

– Слышь, кошка, звать как? – спросил он, чуть покачнувшись на пятках и явно нарочно напрягая мышцы на ручищах.

Пугает, демонстрируя превосходство в живой массе? Или рисуется? Собственно, плевать. Мне с этими быдловылупками говорить не о чем. Поэтому многозначительно фыркнув, я задрала подбородок и последовала примеру брата, потопав к подъезду. Во-первых, надо сразу показать, что ловить со мной таким босякам нечего. А во-вторых, инстинкт самосохранения никто не отменял. Вон они какие здоровые. Тем более как раз показались грузчики, вернувшиеся за следующей партией коробок, и я почувствовала себя вроде как под защитой. Напрасно. Стоило только шагнуть в сумрак, вдохнув вонь кошачьей мочи и еще черт-те чего, как на моем локте сжались пальцы, больше похожие на железные прутья. Рывок, и я оказалась прижата к измалеванной, замызганной стене с облупившейся краской.

– Слышь, кошка, если я спрашиваю, то мне отвечать надо, – процедил громила, нависнув надо мной. Шумно задышал, не стесняясь понюхав мои волосы.

Совершенно инстинктивно я тоже рвано вдохнула, ловя его запах. Ожидая пивной и сигаретной вони, но ничего такого. От него пахло потом или, скорее уж, испариной на чистом сильном теле, чем-то парфюмерным, горьковато-терпким и... еще... не собираюсь анализировать!

– С какой стати? – На самом деле мне резко стало не до шуток и не до глупой отваги, но не показывать же этого сходу.

– С такой, что я хочу знать. – Мерзавец опустил голову и ткнулся носом теперь мне в висок. Снова глубоко вдохнул.

– А, стало быть, ты получаешь все, что хочешь?

Я встрепенулась под ним, силясь выскользнуть, но ничего не вышло. Вот теперь становилось действительно страшно. Как это вообще? Белый день на дворе, люди вокруг. А меня зажал какой-то ушлепок малолетний, страх совсем потерявший.

– Без вариантов. Мужик у тебя есть?

– Что? – обалдела я от резкой смены темы.

- Трахарь есть, спрашиваю? *бет тебя такую борзую кто?

- Да ты совсем рехнулся, что ли, мальчик? А ну лапы убрал и отвалил! Я милицию сейчас...

- Ага, милицию. Значит, мужика нет, - шокировал он меня в очередной раз, и не подумав отступить. Наоборот, привалился сильнее, вжав в стену, и плавно, но мощно двинул бедрами, дав ощутить животом степень того, как рады новенькой на районе. И еще раз, и еще.

- Я закричу, - взвизгнула, чувствуя, как с перепугу колени подогнулись. Не зажимал бы - точно бы упала.

- А то, - легко согласился он и отступил все же, потому как в дверях появился рабочий транспортной компании с коробкой в руках. - Короч, увидимся, кошка. Забегу по-соседски на палку чая.

- Только посмей! - ляпнула уже ему в спину, осознавая, что всю аж потряхивает. Конечно от страха.

Пошла по лестнице, невольно потирая место на животе, где твердая выпуклость в его штанах будто выжгла клеймо сквозь ткань.

Ненавижу с ходу этот район! Мама, вот за что ты так с нами?

Глава 2

- Слышь, Зима, а чё это такое только что было? - гоготнул Крапива. Антон Крапивин.

Отчего-то аж чуток шатнуло, когда по глазам, перед которыми еще маячила офигевшая женская мордаха, в полутьме резануло косым солнечным лучом. Крапива уставился в упор, цепко и настороженно, хоть и скалился для вида. Он мой друг с младых соплей, знает как облупленного, вот и пялился, когда я, хмурясь, вынырнул обратно из вонючего подъезда, где за каким-то хером

подзажал это белобрысое мелкое борзое недоразумение. Ему ли не быть в курсе, что скакать козлом за бабой, хватать и тискать насильно не мое совсем. На кой? Сами вокруг трутся постоянно.

Больше никто рта не раскрыл, только глянув на мою и до этого мрачную рожу, это только Крапива такой смелый. Его родоки переехали в наш район, когда нам обоим было по пять. А первый же день на детской площадке мы с ним сцепились, уж черт знает почему – кто ж сейчас вспомнит. Мутузили друг друга самозабвенно, валяя в песке, пока нас не растянули бабульки, выгуливавшие поблизости внучат. Он мне расквасил нос, я ему выбил два зуба, благо, что тогда еще молочные. По сути, фигня, но кровищи было! Держали нас, пока дергались, и принудительно заставили помириться. А потом как-то само собой и повелось, что мы стали не разлей вода. Крапива признал еще тогда, что я сильнее и с тормозами у меня беда, и больше не бодался. Ничего не может сдружить пацанов быстрее и надежнее, чем хороший вступительный мордобойчик, что четко определяет, кто есть кто в иерархии.

– Ни хера особенного, – огрызнулся я. – Приветствовал по-соседски.

– Ну да, – фыркнул Крапива, и я скривился, отворачиваясь, и попер куда и шли – на стрелку, забитую у гаражей ох*вшим вкрай носатым барыгой, решившим, что мой запрет толкать дурь на районе на него не распространяется. Ничего, сейчас быстро достучимся до его одной извилины и поведаем, что такое хорошо, что такое плохо и кто здесь решает все.

Если честно, я и сам не соображу, как так вышло, что зацепился с этой овечкой беленькой пушистой, что на самом деле кошкой наглой оказалась. Была такая у соседки нашей чудаковатой. Белая, пушистая, один глаз голубой, другой зеленый. Смотришь – ну чисто облачко небесное, рука тянется потрогать – красота ведь. А эта тварь вечно меня по рукам когтями херачила, да и по морде даже пару раз попадала, глаза чуть не лишила. Лежит посреди дороги, спит вроде, но только тронь – и как бес в нее вселялся. Вот и эта... королевишна, нос задравшая, что по нему сразу показательно щелкнуть приспичило.

Нет, я, что ли, виноват, что она прямо посреди дороги в позу бегущего оленя встать решила, именно когда мимо шел? И жопку, такую круглую вкусную, как специально отклячила. Натуральная картина маслом «Засади ты мне с разбегу, засади». Я бы ее без этого и не заметил. Не, то есть взглядом сразу выцепил ее фигурку около газели с логотипом транспортной компании – любые движняки на

моей территории мимо не проходят. Но мелкие телки – это не мое. При моих габаритах предпочитаю девах повыше и покрепче, повместительнее. Чтобы по швам не разошлась, когда натяну основательно. Потому как миндальничать я не привык. *бабу бабу нужно в кайф, причем обоим, а не бояться засадить от души. Я же не садюга какой, мне надо, чтобы визжали подо мной не от боли. Но и осторожничать со всякими там «так хорошо?-не слишком?-потихе?» нах оно надо? Это разве трах и расслабуха, когда сам себе яйца зажимаешь и крадешься, как по минному полю?

Ну дернулась рука сама собой. А у кого бы не дернулась по такой красоте хлопнуть? Чего сразу драться-то кидаться? Себя же только покалечила вон. Мне-то, бугаю, что щекотка. Глянуть хотел же, что с рукой, так нет, давай опять за свое. Еще и вытянулась вся в струну, ишь, осанка прям аристократическая. Глазищами зеленющими засверкала, шкатулка малахитовая драгоценная. Нос задрала, ноздрями тонкими породистыми заиграла, ну ни дать ни взять – кобылка тонкокожая чистых горячих кровей. Губешки игрушечные, аккуратненькие, не вареники пухлые совсем по моде нынешней у*бищной скривила. Будто я мусор какой, дерьма кусок, в который она ненароком вляпалась. Нафырчала на меня и поперла в подъезд, вертя тем самым задом, что мою лапу-то и притянул. Охренела, засранка?

Ломанулся следом, под восхищенное «ябвдул» Крапивы. Вдую тут для начала я. Бля буду, но вдую. Обуздаю сучку и объезжу так, что ноги потом не сойдутся неделю! Чтобы знала, на кого фыркать можно, а с кем и глазки в пол опускать, овечка кучерявая. Вот реально овечка. Весу в ней небось тридцать кило, и макушкой как раз под мышку мне влетит, если обнять. И волосы пушистые, в миллионе мелких-мелких завитков, почти белые, совсем чуток на солнце блеснули золотистым. И пахучие. Вдохнул, зажав у стенки, и черепушка вдруг опустела. Аж до звона. Тресни сейчас – и на весь район будет слышно наверняка. Как и звон в за секунду окаменевших яйцах. И перед зенками заливать все красным стало. Я прижал ее, а прижало на самом деле меня. Да так внезапно и невдолбенно, что тереться членом внаглую об нее прям там стал и чё нес, где лапал – хер вспомню. Только основное – без обиняков сообщил наглой кошке, что я ее поимею, без вариантов. И что не трахнул на месте только потому, что помешали.

– Они, видно, в харитоновскую бывшую хату въезжают, – не унимался Крапива, поравнявшись со мной, пока я пер вперед, одновременно приказывая члену лечь. По делам идем, а этот змей одноглазый ожил, смотри. Попозже навестим

королевишну. Куда денется. Она.

Я промолчал, выглядывая впереди у*бка Самвела и его шакалят. Один не придет, ясно же. Эти носатые всегда толпы собирают. Толпой же оно не так ссыкотно, да? В одиночку они только и умеют телок прессовать и то из тех, кто попугливее, или малолеток.

- Окна напротив. - Бля, ты чё такой до*бистый-то? Я сам не знаю, что ли. - Судьба, Зима, прям судьба.

Смотрю, кто-то в себе Петросяна отрыл.

- Тебе зубы жмут? Или все целые кости организм напрягают? - затормозив, развернулся я к придурку говорливому. - Чё выпрашиваешь?

- Эй, тормози, Зима, - заржал он примирительно, но по глазам я просек - дружбан уловил, что почти напросился. - Я ж просто так... Ну свежее мясо на районе нарисовалось. Ничо такое. Типа кто первый...

- Отвали, бля! Нашелся тут *барь-террорист! Первый всегда я. Если захочу. А до меня все мимо ходят, ясно?

Костян и Самсон мигом закивали, зная мою натуру. А вот Крапива... чё-то мне его пристальный взгляд, что он не отвел, не понравился. Прищурился, бровь поднял, губой верхней дергает. Уж не скалиться ты на меня собрался, дебил? Из-за телки, что мельком увидал?

- Зима, братишка, как поживаешь, дарагой? - загнусавил за спиной Самвел.

- Х*й моржовый тебе брат, - с ходу не стал миндальничать я, разворачиваясь.

Ну так и есть, десяток чернявых, кто с битами, кто с цепями. И зная их поганую натуру, не факт, что за углом еще столько же не сныкалось. Пох*й, мразоты. Копытами козлиными вон в землю бьют, плюются демонстративно, шеями, типа разминаясь, поводят. Ну мы сейчас вас разомнем - хер кто обратно соберет. А с кошкой белобрысой и оборзением внезапным Крапивы потом разберусь.

Глава 3

– Если ты думаешь, что я буду постоянно убирать весь твой бардак и терпеть вот это возлечение с пивом, то черта с два!

Вот уже два дня, как я отдраивала это пристанище многолетнего срача, пока Кир продолжал корчить из себя несчастного принца крови в изгнании. Валялся на продавленном диване, сосал пиво прямо с горла, зажевывая чипсами, и пялился в потолок. Он даже курить прямо в квартире попробовал для начала, но, схлопотав мокрой тряпкой, стал выходить на захламленный балкон. Он и вставал-то только покурить, смотаться слить пиво в санузел и за новой партией до ближайшего ларька. При этом бутылки и пакеты от чипсов за собой собирать не утруждался.

– Отвали, Варька! – огрызнулся он, даже не глянув на меня. – Типа от твоего мельтешения с тряпками этот свинарник как-то поменялся.

К сожалению, его правда. Квартира была натуральной помойкой. Господи, даже не представляю, кто в ней мог жить, тем более снимать за деньги. Бомзам и то я бы приплачивала, чтобы они тут согласились остаться. Сантехника, трубы – сплошная ржавчина, сырость, потеки и плесень. Из обоев на стенах – только пузырящиеся клочья. Линолеум весь в трещинах, местами пропален. В зале лежал ковер, цвета и рисунка неопределимого, потому как был просто каким-то сплошным куском грязи. Зато в спальне, которую я сразу объявила своей, будто все стены, матрас на древней скрипучей кровати и остальная мебель пропитались запахами аптеки. Открытые настежь окна мало спасали. У меня даже глаза слезиться от этого амбре начинали, и голова трещала. Меры тут нужны радикальные.

Короче, первоочередной задачей явно было избавление от провонявшего черт-те чем хлама. Его-то я и стаскивала в прихожую, в которой уже было не проступить. Пока кое-то корчил из себя чертова Обломова.

– А если пиво хлестать и лежать пластом, все, конечно же, само собой лучше станет! – пропыхтела, оттянув-таки свернутый рулоном мерзопалас. Никаких шансов, что я эту тяжесть дотяну до помойки. – На какие шиши, кстати? Ничего,

что нам кучу всего нужно закупить, да еще питаться на что-то.

- Похрен!

- Кир, хорош бесить меня! Вставай и давай перетаскивай хлам из прихожей на мусорку!

- Тебе надо - ты и таскай.

- Ну какой же ты гад! - не выдержав, взорвалась я. - По-твоему, это я во всем виновата? Я, что ли, матери этого Пашу нашла? Я делала что могла, чтобы...

Горло перехватило, и я позорно разревелась. Кир подорвался с дивана.

- Варьк, ну ты чего? - он обнял меня за плечи, утыкая носом в свою впалую грудь. - Ну я ж не хотел... бесит просто все это.

- А ме... меня, думаешь, нет? Но я делаю, что могу. Хоть что-то. А ты еще и нервы мне на кулак мотаешь.

- Ну прости... сеструх, мне бы пообвыкнуться...

- Нечего к грязи привыкать.

- Ладно, права-права. Вытащу я сейчас твой мусор.

- Он не мой.

Он отпустил меня, бубня что-то нецензурное под нос, и пошаркал-таки в прихожую.

- Блин, я это заманаюсь носить, - проныл брат. - Может, хоть что полегче сама, а?

- Ну какой же ты... - закатила я глаза. - Ну ладно, только в порядок себя приведу.

– О, начнется счас, – буркнул брат, и через секунду хлопнула входная дверь.

А я потопала в ванную. Умываться и краситься. Потому что никогда, вот вообще никогда не позволяла себе выйти за дверь в а-ля натюрель виде. И, думаю, каждая натуральная блондинка меня поймет. Мало того, что сейчас, после рева, у меня нос красный и опухший. С моей бледнопоганковой кожей это на раз. Так еще и зрелище моих светлых, почти белых ресниц-бровей и бесцветных обычно губ не для слабонервных. Вот ненавижу за это нашу породу дурацкую, хотя мама и говорила, что в нее именно вот такую отец без памяти влюбился с первого взгляда прям на улице. И у Кира все то, что мне у себя видится уродским, выглядит симпатно.

А я, так, немочь бледная. Еще и роста бог не дал. Вечно все смотрят свысока. Вот как тот хам трамвайный, что зажимал у стены. Надо было извернуться и ему по яйцам врезать. Надо! И почему смелые гениальные идеи всегда посещают уже постфактум? Но, с другой стороны, я здесь теперь живу. Сегодня врежешь такому, а завтра он тебя подстережет в темном углу и... врежет в лучшем случае. Что в худшем – я и думать не хотела. А еще больше не хотела думать о том, какого черта мысли об этом «в худшем» вытворяли какую-то безумную фигню с моим либидо. Тут же я начинала снова ощущать, как наяву, немаленький такой твердый горячий бугор, вжимающийся в мой живот, и вокруг начинал витать еле уловимый запах сильного, слегка вспотевшего мужского тела. Боже, Варька, потный оборзевший гопник, спросивший в лоб, есть ли у тебя... э-эм-м-м любовник. Фу, вот фу на такое заводиться! Это ни в какие во...

Дверь за спиной скрипнула, когда я только собралась накрасить второй глаз.

– Ну, привет, кошка. Заждалась?

Глава 4

Пару дней после групповой свиданки с Самвелом и Ко мне было не до всяких кошачьих концертов. Хотя бы потому, что засранец Крапива угодил после нее в травму. Видно, ему это в тот день по-любому светило. Не от меня, так от этих гондонов словил битой по башке. Все же пятнадцать голов против нас четверых

– немало. Затоптали мы их, конечно, в итоге, но сотряс и сломанная ключица Крапиве обломилась. И остальным по мелочи. Я основательно словил цепью по ребрам и вдоль хребта. Короче, пришлось денек отлежаться, а потом самому заниматься со своими группами и с подопечными Крапивы. Бабская группа самообороны – это, я скажу вам, та еще жесть. Правильно, что я себе девок не набирал. Мало того, что виснут и тупят по-жесткому, так еще и грызло, глядя на них, что-то... Ну, типа вина. Вот девок учу, как вломить, если кто зажмет, а сам... хорош. Кошек на сухую трахаю в темных углах, согласия не спрося. Типа гребаный стыд. Правда, это никак не помешало, намацавшись бабских сисек и жоп в обучающих целях, вздрочнуть на воспоминание, как она ощущалась почти размазанная подо мной у той поганой стенки. Смотрела как... борзо, отчаянно скрывая страх. Горячо, сдохнуть просто как. Мелкая, косточки тонкие, скулки острые, губки *баным бантом. Именно эти губки я в своей дровичьной фантазии и имел. Толкнул кошку на колени, прям там в подъезде, волосенки пуховые сжал, голову запрокинул и принять заставил. Да-а-а, чтобы аж подавилась, и слезы ручьем по щекам, и смотрела чтобы, будто я ее х*ев повелитель... Повелитель х*я, что ее *бет!

Вот только с этой заразой даже передернуть не вышло по-моему. Сука, вот никак оно не кончалось на нее такую... вот так. Нереально было ее, какая есть, в вонючем подъезде, на грязном, заплеванном полу... даже представить. Даже глаза зажмурил до искр и рези. Мой, сука, долбанувшийся мозг упрямо сменял картинку. На сраные белые роскошные простыни, где она бы лежала как хреново сокровище. Такое, к которому на коленках только подползать. И, мать его ети, но кончил я, когда в моей проклятущей фантазии это самое долбаное сокровище просто развело для меня приглашающе ноги. Сверкнула, ослепляя розовым, мягким, влажным, и я, как пацан, ссыкун, живой голой бабы не выдавший, закончал себя до самого подбородка.

В ум типа слегка пришел и решил, что к новой соседке схожу. Поговорить нормально. Посмотреть еще раз поближе. Вдруг там и не на что. Причудилось что. Извинюсь опять же. Слегка. Ну не скот же я совсем.

Оказалось, скот. Еще, бля, какой.

Белобрысый дрыщ попался мне на глаза внезапно, и именно его дурацкие по-девчачьи кучерявые патлы сбили меня с прежнего курса. Дурацкие у этого задрота, но так вставившие мне у его сестры. И да, я уже пробил обоих. Мою кошку звали Добролюбова Варвара. Двадцать два. А меня еще мальчиком звала.

Студентка какого-то там понтового музыкального ВУЗа или училища, хер просышь, чё у них там. Небось на скрипочке пиликает или по клавишам тархтит, а наверняка вокруг нее пасутся стада разномастных мажористых придурков, мечтающих ее на этом рояле и разложить. Живописно так. Я даже представил. На таком белом-белом. Голую. Глаза закрыты, губы искусаны, одна рука кружит на бледно-розовом сморщенном соске, вторая между ног... Откуда в моей топорной башке такое?

И перед этими петухами гамбургскими поди она свой нос породистый не задирает, да? Болт я на это клал, ага. На меня тоже смотреть научу по-другому.

Короче, вышел из дома смотаться за жрачкой, а тут он. Задрот белобрысый. Кривится, матерно бухтит, прет какой-то хлам.

– Эй, не подскажите, мусорка тут где? – крикнул он пацанве на великах, и те указали ему направление.

Он поплелся на помойку, а я только и осознал, что сменил курс, когда стал подниматься по лестнице. Увидел этого, и прижало глянуть в зеленючие зенки его сестрицы. Вотпрямсчаз.

Придурок даже дверь не захлопнул, и та приглашающе распахнулась, только я раз стукнул костяшками. В прихожей – гора хлама, в квартире тихо, и только в ванной возня какая-то. Конечно, я должен был стучать нормально. Конечно, стоило крикнуть. Конечно, ни хера не правильно запираяться в чужую квартиру без приглашения. Но чует мое седалище, что приглашения я хер дождусь. Да и в принципе только открыл дверь в ванную и увидел мою кошку, в коротком домашнем халатике, стоящую на одной босой ноге, поджав вторую, все стало глубочайше пох*й. Потому что эта зараза опять стояла, отклянчив свою круглую жопку, гримасничая перед зеркалом. Бл*дь, ну вот напрашивается сучка! Откровенно. А когда девушка так упорно просит, как я могу отказать?

На мое вполне себе вежливое приветствие она взвизгнула, разворачиваясь на месте. Глаза вытаращила, рот раскрыла, задницей вжалась в раковину. Не, мне как было, больше нравилось.

– Ты! Какого черта ты делаешь в моей квартире?! – От ее вопля в маленькой ванной я чуть не оглох. – Пошел вон!

И нет бы стояла на месте и орала, так нет же, давай в меня швырять чем ни попадя. А потом и рванула, видно надеясь прорваться. Куда, бля, в этом проеме дверном и мне-то самому тесно.

- Сука-а-а-а! - зашипел, когда она вперолась своим острым плечом точнехонько в то место на ребрах, где до нее отметились цепи.

Шагнул неловко, перехватывая засранку, и тут под ногу попалась одна из тех бабских хернюшек, которыми она в меня швырялась. Срань эта оказалась, как назло, крепкой и круглой, кошка брыкалась отчаянно, вот я и рухнул на спину, роняя и ее на себя. Не остановившись и на секунду, бешеная девка рванулась опять, за малым не вмазав мне коленом в пах.

- Да, бл*дь, достала! - рявкнул я, переворачиваясь и подминая ее под себя. - А ну лежать!

- Отвали-и-и-и! Тварь-скот-животное! Пусти-и-и-и!

Да ну *бжетвоюмать, сейчас сюда полрайона сбежится.

- Да заткнись же ты! Я ни хера тебе...

- А-а-а-а-а!

Накрыл ее рот ладонью, затыкая.

Да что за дура истеричная! Слова сказать не дает. Но с другой стороны, когда между твоих дрыгающихся ног внезапно лежит здоровенный мужик, чей железобетонный стояк уперся тебе в живот, то на беседы не тянет. Но, бля, нах же так ерзать? У меня же и так перед глазами опять за один вдох красно, и в башке все похотью на раз вымело. Трется об конец мне жарошкой своей, сиськами об грудь, ручонками колотит, а у меня уже яйца поджалось, еще чуть - и спущу. Давай, Зима, сползай, пока не опозорился.

- Не ори больше! Поняла? Не насилую я баб. Нах не надо. Сама дашь, куда денешься.

Толкнулся бедрами последний разок... и еще, ну слишком ох*ительно. Ну все, подъем. И тут она меня укусила. Со всей дури, пронзая прямым свирепым взглядом, будто бросая вызов.

Глава 5

– Ах ты ж-ж-ж-ж! – зашипел придавивший меня к полу мерзавец и отдернул руку от моего рта.

Я снова бесполезно рванулась, хватнула воздуха под его неподъемным весом и завизжала. Прямоком в его заткнувший меня рот. Крик стал мычанием, и, взъярившись, я цапнула его за губу. Точнее, клацнула зубами, потому что гад опередил меня, резко отстранившись за мгновение.

– Только укуси – я тебя прямо тут вы*бу, – прошипел он, тяжело дыша мне в губы и сжигая зверским взглядом.

– Скот, отпусти меня немедленно! – ответила я ему тоже рычанием и напряглась, силясь сдвинуть этого слона хоть немного. Как бы не так, он только сильнее вжался в меня, распластывая по полу. От давления его твердого члена на мой лобок у меня в глазах цветные пятна поплыли. Самое унижительное, что моему идиотскому телу нравилось все это. И вес его неподъемный, и железная твердость мышц, и ощущение бессилия, почти обездвиженности, и дыхание рваное у моих запыхавших от контакта с его губ. И, провалился он в бездну ада, болезненное давление немаленькой такой мужской плоти, пульсацию в которой я, кажется, улавливала даже сквозь разделявшую нас ткань. Или это у меня все так пульсирует? Как это вообще? Как! Как испуг и ярость вспышкой обратились в похоть?!

– Отпущу, орать не станешь? Я поговорить хочу.

– Пошел к черту! Мне с насильником не о чем разговаривать! – Я треснула по его плечу.

– А я тебя насилую? – Он, как и не заметив моего удара, шумно дыша, провел носом по моей скуле и поймал губами мочку уха. Касание иррационально нежное, полная противоположность его общей грубости. Меня от него от макушки до враз позорно поджавшихся пальцев ног прострелило. И я задергалась, заизвивалась еще отчаяннее, задохнувшись от стыда.

– Бля, да не ерзай же так, ну это же п*здец какой-то! – прохрипел он, и бедра его легко двинулись. Крошечное, по сути, движение, а у меня низ живота свело микросудорогами. – Сама же нарываешься. Я железный, думаешь?

– Слезь, сволочь! – Мой голос сломался, наверняка выдавая меня с потрохами, и, не в силах выносить этот позор, я заорала снова: – Слезь-слезь-пусти-и-и!

Крик оборвался новым затыкающим поцелуем. В этот раз действительно поцелуем, потому что на обычном зажимательстве он не остановился, втолкнув нагло язык между моих зубов и властно огладив мой. Одновременно бедра его заработали в интенсивном темпе, больше без остановок, натирая в таком чувствительном месте, что меня затрясло. Он, как тяжелая волна, накатывался на меня и отступал, вырубая остатки разума и подчиняя. Мое мычание стало протяжным стоном, и, вместо того чтобы укусить подлеца, я дала ему больший доступ. Конечно, я хотела вытолкнуть его хамский язык своим. Хотела... хотела... но это влажное трение, настойчивое, безапелляционное, но при этом безумно нежное, окончательно сожгло мои благие намерения. Ни черта я его не выталкивала. Со злостью вцепилась в короткие волосы на макушке, вгоняя ногти в кожу наверняка до крови, и подалась навстречу, практически начав съедать его заживо. Лизала, кусала, борясь с нахалом за право вести в этом поцелуе. В ушах загрохотало, грудь, которую он расплющивал своей, мучительно заболела. Между ног разлился болезненный жар. Кожа вспыхнула, как в лихорадке.

– Кошка... бешеная... – пробормотал гопник, оторвавшись и ловя каждый мой выдох. Лизнул подбородок, как натуральное животное, и я откинула голову, подставляясь. – Овечка сладкая... сожру тебя...

И принялся воплощать угрозу в реальность. Жесткие поцелуи, почти укусы, от которых меня простреливало новыми волнами жара, посыпались бесконечным потоком на щеки, шею, ключицы. Огромная ладонь грубо стиснула мою грудь, и засранец зарычал, как зверюга, в мою распаленную им кожу.

– Изомну заразу... сука... какая же ты... порву нах! – рванул ворот вместе с лифчиком. Ткань испуганно треснула, и мой сосок обожгло сначала прохладой, а потом я вскрикнула и засучила под ним ногами от того, каким же горячим показался его жадный рот на твердой вершинке.

– Сожру с потрохами... – хрипел он, то втягивая мою плоть в рот алчно, царапая зубами, то резко отпуская, чтобы тут же броситься терзать снова.

Жесткие пальцы скользнули по животу и надавили на насквозь промокшую промежность через хлопок трусов. С жалобным стоном я задергалась, только ухудшая все.

– Ах ты... мокрая ведь... горячая... хочешь... хочешь... М?.. Хо-о-о-очеш-ш-ш-шь...

Он оттолкнул трикотаж со своего пути и вогнал в меня сразу два пальца, замычав в мою грудь, как от боли. А я снова забилась, насаживаясь сильнее.

– Вот... так... да-а-а-а... малыш... сладкая... сожми меня... – бормотал он, задыхаясь, а мои глаза уже закатились, в голове взрывалось раз за разом, унося все мощнее от каждого властного с пошлым влажным чавканьем толчка его руки в меня. А он не жалел, вгонял, вкручивал пальцы по самые костяшки. Задевая внутри некую точку, красную кнопку, провоцирующую во мне микровзрывы. Выдыхая в момент полного погружения резко, с фырканием, будто это он сам получал удары под дых.

Я не соображала, за что цепляюсь, елозила пятками по полу, взбрыкивая навстречу, раскрываясь шире. Напряжение стало просто запредельным, я замотала головой, жалобно выстанывая, выпрашивая освобождения от этого сладкого ада.

– Тш-шш... сейчас... потерпи секунду... – Он поднялся надо мной, и зашуршала ткань. – Сейчас... все будет... кошка моя... Хорошо будет... сейчас...

Освободившись от его тяжести и жара огромного тела, я распахнула глаза, пьяно уставившись на незнакомца. И это секундное промедление сработало как жесткое отрезвление. Будто меня из огня швырнуло в прорубь. Влепили оплеуху, приводя в ум. Что я творю? Огромный быдлогодник, хам и грубиян прямо сейчас раскатывает по своему здоровенному члену презерватив, чтобы поймать меня,

как какую-то дешевку, шлюху. Прямо на полу моей же квартиры, в которую он ввалился, наплевав на все законы. И я перед ним развалилась, приглашающе раздвинув ноги, как шалава конченная, что дает каждому встречному.

- Не-е-е-ет! - завизжала что есть сил и оттолкнулась пятками, выезжая из под него.

Взлетела на ноги, как подстреленная, ломанувшись прочь. Но заревев «Куда, бля!», ублюдок схватил меня за щиколотку и дернул, роняя на кучу хлама лицом вперед. Я лягнула его, но без толку. Он навалился на спину, матерясь на чем свет стоит, и раздвинул мои ноги своими бедрами, безошибочно пристраиваясь. Массивная головка надавила на мои позорно мокрые складки, неумолимо начав проталкиваться внутрь.

- Это что за херня?! - гневный выкрик брата остановил этот ужас. - Убью, бл*дь, урод!

Глава 6

*баный. Стыд! Позорище. Конченное. Это же п*здец космического, мать его, масштаба. Меня, Зиму, того, кто в асфальт столько раз вколачивал каждого мудака, на кого наши девчонки жаловались даже за попытку поприжать. Того, на кого девки сами чуть не с разбега прыгали, меня поймали со спущенными штанами и гондоном на члене, который я почти засунул в женщину насильно. В проклятушую кошку, что мне башню своротила, похоже, начисто! Это как вообще так? Ведь только что вся гнулась подо мной, текла на руку, пальцы в себе сжимала, что я чуть не ослеп, на нее глядя, такую ох*ительно горячую, и зубы не стер от каждого ее обнимающего сжатия. Тугая, меня как в лихорадку лютую кидало от одного только предвкушения, как натягивать ее на себя буду. А потом... Стыдобища! Сам бы себя по яйцам отпинал за такое! Она же кричала «Нет!» Даже убежать пыталась. Но разум цивилизованный уже отрубился, остался только голый ревуший инстинкт, велящий догнать, подмять, присвоить. Хотя сейчас, как накрыло отходняком от чистой ярости в первый момент, мои шары и так свело безбожно, хоть вой. Но тогда... говорю же - п*здец эпичнейший, и, скорее всего, без вариантов что-то исправить. Уж не после того, как я чуть не удавил у стены брательника гребаной занозы-овечки. Он врезал

мне вдоль спины чем-то. Вроде шваброй, которая тут же об мою хребтину и переломилась. В чувство не приводя. С точностью наоборот. Окончательно заливая все в башке багровым. Смертник встал между мной и тем, что я в ту секунду хотел получить до безумия. Как никогда, ничего, никого. Дрыщ колотил меня куда попало, лягался, пока я вжимал его в дверь, ухватив за хлипкую шею и оторвав от пола. Как не убил... бог отвел, не иначе. Хотя с чего бы богу помогать такому у*бку, каким я, оказывается, являюсь.

Опамятовался только от того, что кошка, визжа истошно, запрыгнула мне на спину и принялась колошматить жалкими кулачками по голове, а потом и укусила, чуть не оттяпав ухо. Поделом мне. И шваброй, и кулаками, и зубами. Вот как можно так *бнуться за считанные минуты? Маньяк во мне таился, что ли, и вылез только сейчас. Серийный, мать его за ногу, насильник. Только какой-то придолбнуто серийный. Потому как каждая серия про одну и ту же девку. Вот как вижу – и на тебе, новый, бл*дь, эпизод. И следующий х**вей предыдущего. Что, не приведи господи, в третий случится? Сука, надо на все выходные в загул. Так, чтобы член из бабы только поссать сходить вынимать! Чтоб по лобок нах стерся.

Хер тебе, Зима, а не загул. Иди, бля, сухари с барахлом собирай. Уже, небось, едут по твою душу пропащую дядьки с мигалками. И опять же так мне, мудаку тупому, и надо. Вот только... раз уже все равно светит небо в клеточку и сам себя дерьмом считаю, лучше бы оттрахал подставу эту кучерявую. Хоть знал бы, как это – засадить такой бабе, от которой у тебя мозги в хлам и инстинкты ревут как никогда в жизни. Ведь даже того, как она ощущалась на пальцах, мне хватает, чтобы опять в башке плыло. Стоял, уткнувшись лбом в стену на кухне в своей квартире, куда хер вспомню как дошел, пыхтел, как паровоз, все не в состоянии справиться с собой. Потому что... это же что за у*бищная засада, а? Я же уже почти в ней был. Членом. Сраная резинка нисколько не умаляла ее жара. Она горела. Для меня. Да, бежала. Ну потому что сам я дебил. Надо было еще поласкать. Надо было утащить куда-нибудь в спальню. И дала бы. Дала. Да не появись этот задрот, и там дала бы. Да, рвалась. Но я бы все исправил. Зацеловал, нагладил. Кончила бы подо мной и забыла бы. Простила. Девки, они добреют, хорошо оттраханные. А я бы уж ее так драл, что дар речи оба потеряли бы.

– Да, сука, кончай это, дебил! – прошипел я члену, что и так-то не опал, а от мыслей этих снова стал тяжелеть.

Стукнул ладонью в стену у своего лица. Больно, но легче не стало. А все потому, что, глубоко вдохнув, я осознал, что все мои пальцы в ее запахе. Те самые, которыми я трахал ее, готовя под свой член.

- Да ну *б же твою мать! - долбанулся я уже несколько раз лбом. - Что же за напасть такая?

Вышел на нетвердых ногах на лестничную площадку, затарабанил в соседскую дверь.

- Закурить дай! - потребовал у соседа Лехи, и он протянул пачку, изумленно глядя на меня. Ну еще бы! Меня с сигаретой еще с сыкунячьего возраста никто не видал. Как бросил еще в учебке в армии, так и все.

Сел на ступеньки, закуривая. Какая нах разница, где ментов дожидаться.

Но в тот день так никто за моей задницей и не приехал. И на следующий, после бессонной ночи, пока меня попеременно то крючило от стыда, то снова припирало похотью. Хоть подروحить на нее. Стиснуть х*й той самой рукой, пальцы которой в ней побывали... Запрещал себе. Наказывал, бля. Но даже курил левой. Чтобы вонь дешевая табака не перебила этот аромат ее. Никогда бабам нос между ног не совал. Чужал, как пахнут, когда текут, да. Ну не без обоняния же. А тут. Я то и дело сглатывал, потому как слюной чуть не давился. Нюхал снова и снова, матеря себя. И так и уснул потом, положив на морду ладонь в ее аромате. И снилась она мне снова. Гадина. Овечка белобрисая кучерявая. Кошка драная проклятущая. Ноги покорно разводила, дразнила меня опять, слепя блеском скользкой влаги на розовой мягкости. Манила, пытала. Гнулась, сосками острыми глаза выжигала. А я пер к ней, пер... Жилы рвал, тянулся. Вот сейчас уже дотянусь, схвачу... Но нет! Как и наяву, эта дрянь только обещала, изводила, но в руки не давалась. Словно я в невидимое стекло упирался, что не прошибешь, как ни бейся.

- Зима, чё у тебя двери настезь?

Голосу Крапивы не хер делать в том месте, где моя кошка голая! Как и ему самому.

Открыл опухшие зенки и уставился на друга, что стоял в ногах моей кровати. Под обоими глазами фингалы налило, рука со стороны поломанной ключицы в фиксации.

- Хера ты из больницы выперся? Выглядишь как говно.

- Хочу тебя порадовать: у тебя видок не лучше моего. Ты чё, бухал? Подрался еще с кем? И чё так табачищем несет?

- Крапива, мне потрахаться нужно. Вот прям п*здец как срочно. - Вот я дожил. Ага, помощи прошу, чтобы раздобыть бабу в постель. А все потому, что хрен доверяю себе. Выйду - и опять очнусь под дверью этой заразы. Как под дурью я, собой не владею. - И чтобы без заморочек.

Он поморгал, недоуменно пялясь на меня.

- Чё случилось-то, Зима?

Да случилось такое, что я подавлюсь словами рассказать тебе, дружище. Даже если бы вдруг захотел. А откровенничать - по жизни не мое. Сам потом узнаешь, Крапива, когда слухи по району пойдут.

- Бухло и телки, Крапива. Сейчас.

- Ну хер с ним, - помотал башкой друг, поняв видно, что не добьется из-под меня ни черта. - Есть безотказный вариант.

Глава 7

- Ме... ментам звони, - прохрипел Кир, которого я дотащила до дивана, как только вломившийся ублюдок отпустил его и ураганом унесся за дверь. Правда, перед этим он уставился на меня в упор, будто поверить во что-то не мог, помотал головой и только потом ломанулся, громко матерясь.

– Нельзя, – всхлипывая, я растирала его распухающее на глазах горло левой рукой, потому что правая тоже наливалась адской болью. Ведь я колотила моего почти насильника, не жалея себя, а этот гад был как из дерева вырезан.

– Какого черта?

– Кир, он местный, и у него тут дружки. Заявим, и они нас потом... нельзя.

– Дура, он же тебя...

– Нет-нет, не успел...

– А будешь ждать, когда успеет? – вскинулся на диване брат, сверкая на меня злым взглядом. – Не сдашь его ментам, он вообще обнаглеет. Я таких знаю! Откуда ты знаешь-то его? У вас с ним, что ли...

– Нет же! Я с ним в первый раз тут перед подъездом столкнулась в день переезда.

– Так чего он тогда?

– Не знаю я, Кир!

– Ты, блин, не ребенок! Чего бы он он на тебя среди бела дня прямо в квартире полез, если не мутили вы, а? Потому и сдавать не хочешь?

– Что такое несешь?! – захлебнулась я снова стыдом и, бросив его, метнулась в ванную.

Закрылась, согнулась над раковиной, уставившись на себя в зеркало. Зрелище то еще. Глаза безумные, под тем, что успела накрасить, потеки, зрачки огромные. Волосы растрепаны, халат еле держится на груди, скрывая, что лифчик порван. И самое жуткое – в трусах мокро насквозь. Это что же за чертовщина такая? Что тут происходило? До того, как стало ужасом, что это было? Я почти отдалась какому-то босяку-гопнику, который заперся в нашу квартиру. Да. Так и есть. Не совершь себе. Если бы он не замешкался с презервативом, то мой брат застал бы совсем иную картину. Как его сестра

занимается диким сексом прямо на полу с парнем, имени которого даже не знает. А то, что он был бы диким, таким, какого у меня и в помине еще не было, я почему-то не сомневалась. Внезапно будто снова ощутила таранящие меня жестко его длинные большие пальцы, и следом то, как распирало между ног от одного только обещания его вторжения, и ноги затряслись, и на голову будто кипятка плеснули, окатывая до ступней огнем.

– Варьк, ну прости, – просипел Кир под дверью. – Я же за тебя испугался. Если у тебя что с этим... блин, Варьк, на кой тебе такой бычара психованный нужен? Он же тебя переломает всю. Я его глаза бешеные видел. Он совсем неадекват. Не связывайся с таким, Варьк.

– Да ни с кем я не связывалась! – огрызнулась. – Просто понимаю, что заявим – и его дружки нас со свету сживут. Сам мозгами пошевели. Не ползет он больше!

– С чего решила?

«Вот так... малыш... сладкая... сожми... сожми меня...»

Как, как я буду смотреть в глаза какому-нибудь участковому и рассказывать про это? Про то, что в какой-то момент сама начала его целовать. Про то, что не дралась до последнего, не орала на весь дом «помогите», а извивалась, как шалава какая-то, и на пальцы его насаживалась, скуля и выпрашивая большего.

– Кир, давай замнем! – крикнула, содрала халат и белье и залезла в пустую ванну.

– Ну как знаешь.

Знаю. Знаю, чувствую, что на этом все еще не закончилось. Но я взрослая женщина и положу конец идиотским домогательствам этого охамевшего вкрай придурка. Совсем, видно, у кого-то сперма на мозг надавила. Неспроста мне показалось, что он моложе меня. Небось, лет восемнадцать лосю. Мои ровесники уже повменяемей, одним членом не думают. По крайней мере парни из моего окружения. А этот... Господи, Варька, он-то молодой, а ты? С Семеном мы расстались полгода назад, так неужто это я так по сексу оголодала за шесть месяцев? Никогда же, никогда ни с кем из моих бывших у меня таких помутнений не случалось. Вот и не верь потом Натахе, которая утверждает, что

сексом надо заниматься регулярно ради душевного равновесия и хорошего настроения. Даже если парня и отношений нет.

«Себя надо любить, Варька, себя. Любить и баловать. В том числе и в постели. А то мхом все там порастет, пока очередной принц найдется».

Села на дно ванны и принялась поливать себя из душевой лейки холодной водой, пока вся не окоченела. А потом вытерлась и ушла в спальню, не глядя на мрачно плящущего в стену брата. Упала на кровать, чувствуя себя выжатой до предела, и уснула мертвым сном.

Проснулась уже утром. Чуть не полсуток, выходит, проспала.

– Ай! – случайно оперлась, вставая, на правую руку, и тут же прострелило болью. – Вот же гаденыш! Чтоб тебе икалось и не стоял пять лет. Не будешь тогда лезть... к дурам всяким озабоченным вроде меня!

Баюкая руку, сходила в удобства. Кира дома не было. Записки тоже. Ну хоть бардака за собой не оставил, и то радует. Чуть не облилась кофе, машинально опять потянувшись пострадавшей от тупой башки гопника рукой.

– Блин, похоже, без визита в травмпункт не обойтись, – прошипела сама себе, кривясь от боли.

Одеваться, пользуясь одной рукой, – та еще задачка. Краситься левой – вообще жуть. Чуть без глаз себя не оставила, поминая «хорошими» словами виновника моих неудобств.

– Да что ж ты в самом деле, Варя! – топнула ногой, злясь на себя. – Этот мерзавец стоит, что ли, того, чтобы с языка у тебя не сходить?!

Вот ляпнула, и тут же в жар кинуло, от того как это прозвучало в тишине ванной. И его вкус проклятуций вспыхнул на языке, и властные движения, влажное порочное скольжение вспомнилось, как наяву. И тут же в низ живота кто как кулаком надавил. Мягко, но властно и настойчиво. Игнорировать невозможно. Ну прямо как саму причину всего этого бардака. У-у-у-у, ненавижу тебя, гад безымянный!

Снимок показал, что никаких трещин и переломов у меня нет, но ткани распухли от серьезного ушиба.

– Как же вас так удариться угораздило? – судя по взгляду молодого доктора в район моей груди, интерес его был не простым, а с умыслом. Но рыжие коренастые крепыши не в моем вкусе.

– Не удариться, а ударить. Причем во множественном числе, – ворчливо ответила я, глядя на то, как он упаковывает в бинт мою кисть.

Он зыркнул на меня изумленно. Ага, я такая. Руки распускаю запросто, держись подальше. Еще и кусаюсь.

Из травмпункта я решила пойти в гости к Ирке. Благо она буквально в трех кварталах оттуда жила. И, к счастью, оказалась дома.

– Варька, заходи! – полезла с ходу обниматься она. – Ой, ё-ё-ё! Что с рукой-то?

– Кофе дашь – расскажу. Поржешь с меня от души.

– Ого, вот прям заинтриговала, – потащила она меня на кухню.

– Вот такие вот дела, – закончила я свой рассказ об обоих происшествиях. Естественно, отредактированный. Никаких упоминаний о внезапных протеканиях моего мозгового вещества и между ног. Хватит мне и того, что сама ощущаю себя какой-то извращенкой, умудрившейся возбудиться (и продолжать возбуждаться) от насильственных домогательств. Чем больше думаю об этом, тем четче понимаю, что... ну ни в какие ворота нормальности это не лезет.

– Дела твои небезнадежны, Варюха. – Голос Радомира, Иркиного брата, заставил подпрыгнуть нас обеих.

– Да ты вообще, что ли! – завопила подруга и швырнула в него сушкой. – Чужие разговоры не подслушивать не учили?!

Радомир зашел на кухню босой и в одних джинсах и, поймав на лету запущенный в него съедобный снаряд, закинул тот в рот и полез в холодильник за соком.

Сложен он был... Хорошо сложен, и прекрасно об этом осведомлен. В том числе и от меня в свое время. Было у нас кратковременное... эм-м... близкое взаимодействие. Пара недель, пока я не поняла, что одной мной этот красавчик ограничиваться не намерен. За сим я все и прекратила, попросив ни о чем Ирке не распространяться. Было и было.

- Если хотели секретничать, то двери могли бы хоть закрыть, - огрызнулся Радомир и стал пить сок прямо из пакета, пристально глядя мне в глаза.

Хм... вот красивый же. За эти три года, что мы не пересекались, стал еще красивее. Подкачался вон, заматерел. Заводил же когда-то не на шутку. А сейчас смотрю - и ничего. То есть вижу, что суперский парень, и помню, что в постели был не эгоист, но больше не волнует.

- Ты мог бы не подкрадываться! - возразила Ирка.

- Привет, - кивнула я ему. - Не знала, что ты в городе. Родных навещаешь?

- Не-а. Он насовсем вернулся. Ждали его прям, - закатила глаза подруга. - Слышишь, позорище бестыжее, иди рубашку надень! Нечего тут телесами голыми мне Варьку смущать.

- Я смущаю тебя, а, Варюха? - подмигнул мне Радомир и, вместо того чтобы убраться, сел напротив. - Я, кстати, серьезно. Давай я твои проблемы разрулю.

- Это как ? - удивилась я.

- Поизображаю парня твоего. До дома подвозить стану, глаза мозолить, типа букеты-конфеты носить, в квартире торчать допоздна. Отвалит твой босяк, вот увидишь. Такие, как он, смелые только когда видят, что девушка без защиты. Типа ничья, и можно подзажать. А только мужика рядом засекут - и мигом вся борзость пройдет.

- А мысль, между прочим, - поддержала Ирка.

- Не поймет по-хорошему, так я ему физическое внушение сделаю.

– Ты не понимаешь. Он здоровый, как жеребец, ей-богу, – вздохнула я, вспомнив, какой мой агрессор действительно здоровенный. Вот же лосиная порода, видно. – И дружки у него такие же.

– Ну так и я не хилак вроде и могу друзей привлечь, – фыркнул Радомир легкомысленно и как бы невзначай напряг грудные мышцы. Да, павлинизмом он и раньше грешил, а теперь все, видимо, усугубилось. Хорошо, что у меня уже стойкий иммунитет.

– А тебе-то в это вступать зачем?

– Пф-ф-ф, ну ты даешь! Я же тебя черт-те сколько знаю, ты у нас почти член семьи. И что, позволю тебя какой-то быдлоте зажимать?

– Рад, ну, это же время, у тебя жизнь своя...

Вот черт знает почему, но мне его участия не хотелось.

– Для друзей никакого времени не жалко, – снова подмигнул мне, и теперь его взгляд ясно дал понять, что он, похоже, совсем не против реанимировать то, что между нами было.

Вот же посыпались на мою голову! Мне бы к новым жизненным реалиям привыкнуть, а не в самцах в состоянии брачного гона разбираться. Но, тут, как говорится, будем выбирать меньшее зло. Уж Рада я всегда запросто отошью.

– Ладно, давай попробуем, – вздохнув, согласилась я.

– Рад, ты гад и заноза в заднице, конечно, но иногда можешь быть и нормальным человеком, – подорвавшись, Ирка чмокнула его в щеку.

Проснулся я мордой вниз. Хотелось пить и поссать адски. Только попытался поднять башку, и чуть не взвыл. П*здец, вот это я вчера накидался! Или даже позавчера? Утро? Вечер опять? Хер знает. Темно, рядом кто-то храпит, добавляя боли в мою дурную черепушку. Сцепив зубы, все же приподнялся на локте. Рядом на спине дрыхла девка. Света вроде. Или Таня. Хер знает. Крапива притащил их, пузырь вина и три бутылки водяры по моему требованию. Две обесцвеченные блондинки. Ярко размалеванные, юбочки едва лобки прикрывают, из глубоких вырезов чуть не вываливалось все добро. И с четкой надписью «дам» в выражении лиц. Сначала жеманничали и корчили из себя порядочных, не пьющих крепкого, но, высосав вино, с легкостью согласились уже на беленькую и зазывно засверкали хмельными густо подведенными глазками. То, что надо в моем состоянии. Вот только лежащая рядом Таня-Света была при всем своем барахле, да и мой шмот весь на месте. Ага, даже ширинка не расстегнута. Сомневаюсь, что меня после перепиха посетил приступ стыдливости и я оделся обратно сам и девке велел это сделать.

Ну поздравляю, Зима, ты просто совершенствуешься в позорище. Мало было той кошки геморной, так еще и это. Притащить на хату давалок и уснуть, нажравшись и так и никого не трахнув. Что дальше?

Постанывая матерно, я сполз с кровати. Девка даже не проснулась. Поплелся на кухню. Ну и раскардаж, плюс еще и вонища, мама дорогая! Да уж, если бы родоки сейчас нагрянули, то охренели с сыночка. Присосался к крану, распахнул окно и пошаркал в сортир. В башке все еще плыло, и меня шатало. Вот до чего бабы эти доводят же!

Сунулся в зал и тут же прикрыл дверь от представшего на диване зрелища. Ну хоть кто-то вчера не оплошал и оттянулся.

– Крапива, подъем! – грохнул кулаком по двери и поморщился от того, как звук отдался в больной башке. – Харэ дрыхнуть, надо срачельник убирать.

Спустя час мы с ним вдвоем сидели на кухне, посасывая из бутылок холоднущее пиво. Девочек спровадили, кухню привели в божеский вид. Я периодически прикладывал бутылку ко лбу, чуть не подвывая от облегчения. Кайф, куда там сексу до этого облегчения!

– Слышь, Зима, а чё это вчера было-то?

Я покосился на друга и облегченно про себя вздохнул. Раз пытается, то, значит, вчера я спьяну не устроил тут разговор по душам. А то вообще п*здец позорный был бы.

- Ничего.

- Не трынди. Ты когда последний раз бухал? На Новый год? И то до такой синевы не набирался. А с сигаретой я вообще не помню, когда тебя видел. Чё происходит? У нас неприятности какие? Наезжает кто?

- Я бы напиваться стал, если бы кто наехал? - фыркнул я. Засовывать башку в задницу не мой способ решать проблемы. С точностью до наоборот. Я обычно источникам этих проблем бошки разбиваю.

- Ну а что тогда?

Да что ты прикопался? Бля, может, сядем и, как подружки задушевные, ногти друг другу покрасим, пока секретничать будем.

- Отвали. Нет у нас никаких проблем. Нигде. - Они чисто мои личные. И то... хорош. Хватит с меня этого зоопарка с кошкоовцами. Мозг прополоскал от этой заразы водярой - и как новенький. - Просто мозги расслабил, и все.

- А, ну лады. Как скажешь, - насупился Крапива. Ничё, не барышня небось дуться, перетопчется. Я перед ним грязным исподним трясти добровольно не собир...

- О, прикол. А соседка-то новая у нас с хахалем, - сменил тему торчавший у окна друг.

- Что?

- Ну эта, борзая кучеряшка блонди, за которой ты...

Я вскочил, отпихивая его плечом, и чуть не вывалился в окно, высматривая кошку бл*дскую.

– Пряма картина маслом, прикинь. На белом мерсе чертила. Мечта бабская. Зима, ты куда?!

Только раз цепанув взглядом гадюку Варьку, к лицу которой какой-то гондон присосался, шаря загребушими грабарками по телу, перед подъездом, я будто по башне словил бревном, отчего она тут же и ушуршала. Как был, босиком и в одних спортвках ломанул на выход. Перед глазами все багровое с огненными всполохами на периферии. Убью, убью всех нах!

Глава 9

– Как вообще поживаешь, Варюха? – Радомир вел машину, явно рисуясь, одной рукой, небрежно растопырив на руле кисть с длинными красивыми пальцами в перстнях и сверкая дорогими часами на запястье.

Выпендрейчик. А как нравился же мне! В том числе и этими повадками павлина. То есть сейчас-то я их воспринимаю нарочитыми и почти комичными, а раньше...

– Вообще – нормально, – еле сдержала язвительность в тоне.

Что, черт возьми, за идиотский вопрос? Ты уже в курсе, что моя мать сбрендилла, выкинула нас с братом в какой-то старый отстой из хорошей квартиры в центре, лишила всякой финансовой поддержки. Знаешь, что меня какой-то гопник по углам зажимает и чуть брата не задушил. Как, по-твоему, я поживаю, а?

– Знаешь, а я часто вспоминал о нас. Постоянно.

– Да неужели?

– Ага. Думаю, нам стоит попробовать еще раз. Оба стали старше, и все такое.

– Какое, Рад?

– Ну, в смысле у нас было время сравнить и осознать, что вместе было хорошо.

Говори за себя. Я тебя как-то на пьедестал эталона мужчины не возводила, чтобы сравнивать остальных с тобой. Но лучше промолчу. Он мне помогает так-то. Нечего выделываться.

- Варюха?

- А?

- Молчишь-то что?

- Не знаю, что и сказать, - дернула я плечом. Нелегко все же прикидываться тормозящей и придерживать язык за зубами.

- Просто скажи, как относишься к идее начать все заново.

- Эм-мм... это как-то внезапно, - изобразила смущение, нарочито потупившись.

Ну да, я как будто не видела твоих косых говорящих взглядов с момента выезда.

- Понимаю. Ты подумай.

- Обязательно.

- Да, район и правда... хм... - Рад зарулил на мою новую улицу, глядя по сторонам и презрительно кривясь.

- Поднимешься? - Нет, не надо, пожалуйста, откажись.

- Давай не сегодня. - Ну само собой, скажи я, что на все сразу согласна, бегом бы по ступенькам побежал. А так чего вечер пятницы терять. У красавца Рада всегда найдутся более сговорчивые варианты. - Пойдем до подъезда провожу.

На крыльце, прямо под тусклой лампочкой, он притормозил меня за локоть.

- Постой, давай все же по плану. Я типа твой парень. Пока типа.

А у него, похоже, и сомнений нет, что соглашусь. Хотя чего нет-то? Теперь, зная, какой он без прикрас, можно и попробовать. По-взрослому, без всяких иллюзий.

Рад очень нежно обхватил мое лицо и прикоснулся своими мягкими губами к моим. Слишком мягкими. Без грамма напора. Погладил языком, предлагая открыться, но я не стала. Ну не хотелось, хоть разбейся. Так и стояла не размыкая зубов, пока Рад елозил по ним языком, раздвигая мои губы и возбужденно сопя. Не противно, просто... никак. Я всего лишь ждала, когда он закончит.

Внезапно Радомира отбросило от меня в темноту.

Пошатнувшись на каблуках от неожиданности, я ошеломленно уставилась на силуэты двух мужчин, покинувших освещенный пяточок под лампочкой. Один явно Рад, а второй... Гопник проклятуший!

Он ударил Рада в лицо раз. И еще. Молча, не издавая вообще ни звука. Стало просто жутко. По-настоящему жутко. Как никогда в жизни. От этого мертвого молчания особенно. От глухих тяжелых «бум» о плоть. Рядом, вот прямо за этими окнами, люди ужинают, музыка играет, телевизоры бубнят, а тут, под их окнами творится такое... И у меня аж легкие перехватило, крикнуть не могу.

Третий удар мерзавца добил Рада, и он рухнул на асфальт как подкошенный. И настала моя очередь на расправу. Но за что?

Громила шумно задышал, разворачиваясь в мою сторону. Я ведь и дыхания его не слышала в момент нападения на Радомира, словно и не дышал он вовсе. Амбал двинулся на меня, а я торчала столбом, как дура, ноги будто в бетон крыльца вросли. Ступил на освещенное пятно, и мне совсем поплохело. Он и человеком сейчас не выглядел. Оскал звериный, глаза – как угли тлеющие, так и чудится, что сквозь черноту багровое сверкает. Шагнул ближе, схватил лапищей за горло и толкнул к стене, наклоняясь к лицу. Продолжая скалиться, большим пальцем второй руки провел по моим губам. С нажимом, больно, как если бы стирал с них что-то, видимое ему одному. А я все еще и пикнуть не могла. И, видно, уже и не смогу. Конец тебе, Варька.

– Чтобы никогда... – прохрипел он страшно. – Никогда... поняла? Убью на х*й... любого... Довела... овца...

Вдруг еще одна массивная фигура выскочила из окружающей темноты. Врезалась в плечо моего мучителя, отбрасывая от меня. От мгновенного облегчения у меня в глазах потемнело, и я только и могла секунд тридцать, что слушать какую-то возню и сдавленные ругательства. «Кончай... кончай, Зима... Чего творишь...» Потом все стихло, осталось только чье-то тяжелое дыхание. Опомившись наконец, я кинулась к лежащему на асфальте Раду, чувствуя, как начинают душить рыдания от вида темной крови на его лице.

– Господи, скорую вызовите! – в отчаянии закричала непонятно кому, ощупывая голову парня.

– Отошла! – хрипло рыкнул напавший гад, снова появляясь из мрака, где ему самое место.

– Что, добивать будешь?

– Отойди, сказал, не доводи!

– Делай, что говорит, – появился и второй громила. Я его вспомнила. Видела в тот первый несчастный день.

– Отвалите от нас! – закричала им. – Сволочи! Оставьте нас в покое! Ему помощь нужна медицинская!

– Ему нужно никогда больше около тебя не появляться. – Гопник подхватил Рада под мышки и потащил к его же машине.

– Куда? Отпусти! Помогите!

– Да тихо ты! – шикнул на меня второй. – В больницу отвезем его. Когда еще скорая приедет.

– Я вам не верю! Вы его...

– А мне пох! – рявкнул агрессор, укладывая бесчувственного Рада на заднее сиденье. – Домой пошла!

– Я с ним поеду!

– Ах ты кошка драная! – зарычал мерзавец, опять начав наступать на меня. – Все из-за тебя, сучка белобрысая...

– Тормози, Зима! – схватил его за плечо дружок. – Девушка, домой идите от греха подальше. Не провоцируйте сильнее, хорош на сегодня.

– Это я его провоцирую? Да я его знать не знаю и видеть не хочу! Отвали от меня, подонок! Отвали и близко не подходи! Чтобы ты сдох вообще!

Не обращая внимания на мои вопли, этот урод Зима уселся за руль. Его дружок плюхнулся рядом, и они укатили, оставляя меня стоять на крыльце.

Нет, хватит с меня! Я этого так не оставлю!

Глава 10

– Зима, э...

– Отвали, – отрезал я. – Никаких, мать их, вопросов про эту...

– Да про нее чё там уже спрашивать, – отмахнулся друг и покосился на застонавшее тело на заднем сиденьи. – У меня вопрос: с этим организмом как разрулим все?

– Я разберусь.

– Угу. Ты уже. До хера наразбирался.

– Захлопнись.

– Да я чё... – Крапива поерзал, косясь на меня, и таки его подорвало: – Бл*дь, Зима, ну как так-то? С хера? Когда успел вообще?

Когда? Да, выходит, сразу, как только, развернувшись, на меня зенками злыми зыркнула. И это я себе типа льщу. Не признаваться же, что в ее круглую задницу первым делом вписался, да в ней же и застрял. Никто не вмазывается в задницу. Так, чтобы моментально стать без руля в башке. Отстой. Так что да, прям в глаза, с психу сверкающие, и вporоло. А с хера ли или как так... это... ну... типа вопросы риторические. Х*й его знает – универсальный ответ на них. Другого полюбому нет. И не будет, чует моя жопа.

– Вы кто? – *банный целовальник-суицидник сел сзади, морщась и схватившись за голову.

– Добрые, бля, самаритяне, – мрачно заявил Крапива. – Вот решили сделать богоугодное дело и довести тебя, бедолагу, до больницы. А то башкой об асфальт долбиться ни хера не полезно для здоровья.

И супер, что он взял на себя это, сука, общение. Потому как у меня так и дергало мышцы на руке вporоть ему с локтя в нос. Чтобы опять юшкой кровавой умылся и захлопнулся.

Смазливый чмошник с размазанными буро-красными потеками на морде хмурился, явно припоминая все подробности, а потом уставился на меня.

– Ты... – прищурился он зло.

– Ага, я. Но главный вопрос: кто тут ты, чертила. Спишь с Варькой? А?

– Ох*ел, сучо...

– Еще как. Не прочувствовал еще? Не догнало? – зыркнул с весельем приговоренного смертника. Х*ли рефлексировать, коли понятно – п*здец мне.

– Ты совсем *бнутый?

– Совсем. Спишь с ней? Отвечай!

– Да пошел т...

– Не стоит так! – рыкнул «вежливо» Крапива, оборачиваясь. – Тебе задали конкретный вопрос, состоишь ли ты в интимных отношениях с дамой. Ответ ожидается такой же конкретный.

– Да что вы себе...

– Вот, бля, начни еще эти бабские «дакаквысмеети-и-и-и, чёсебепозволяети-и-и-и» вопли и руки заламывать примись! – одернул долбоклюя друг, придерживав уже начавшего разворачиваться меня за плечо. – Четко давай и по факту: *бешь или не *бешь.

У*бок булькнул, встречаясь взглядом со мной в зеркале заднего вида.

– Мы были... вместе, – дрогнувшим голосом проблеял он. – И я планировал...

– Больше нет! – отрезал я. – Ваще взял и пропал с радара. Усек? Просить или повторять не буду. Внятно говорю?

– Да ты кто такой вообще...

– Тот, кто реально потеряет тебя насовсем, если долго доходить будет.

– Беспредельщик долбанутый! Ты чего к ней пристал, а? Мужиком себя чувствуешь, бедную девчонку прессуя и запугивая? Думаешь, на тебя и твою борзость не найдется управы? Сядешь, а на зоне с такими, как ты, разговор корот...

Один короткий тычок локтя Крапивы оборвал оратора и борца за права зажимаемых баб. Он схватился за лицо, взыв.

– Мрази! Да я вас...

– Пасть захлопни! – велел я, тормознув перед приемным покоем больницы. – Повторю последний раз. К Варьке больше и близко не подходи. Не дай боже, я еще хоть раз увижу, что ты ее грабарками своими трогаешь. Даже если за локоток поддержать. П*здец тебе.

– Дебил, п*здец тут тебе! Что, зацепила девочка за нутро твое поганое? А хрен ты ее получишь, ясно? Кто ты, бля, такой? Шваль, гопник быдловатый? За душой у тебя что? Дыра в кармане? Чем ты такую, как она, зацепить сможешь, а?

– А я ее за шлюху не держу, чтобы баблом цеплять.

– А чем? Страхом? Насиловать станешь?

– Хавальник завали!

– Никаких шансов у тебя, урод. Никаких, понял? Варька в вашей жопе случайно оказалась и надолго не задержится. Думаешь, меня, еще кого от нее отгонишь – и типа победил? Вокруг мужики не слепые. Уведут в момент. А потом маши кулаками сколько влезет. Хоть об стену убейся, придурок. Сама она за такого, как ты, в жизни держаться не станет. Она тебе страха никогда не простит.

Глава 11

– Девушка, ну вы чего от меня хотите-то? Чуда? – Дежурный в ближайшем отделении, куда я мигом долетела на эмоциях, ни разу даже ногу не подвернув на корявом асфальте, явно не имел ни малейшего желания хоть попытаться помочь мне. Господи, да судя по тому, как он кривился, едва не зевая, он и слушать меня не хотел.

– Я хочу, чтобы вы делали то, что является вашими прямыми должностными обязанностями, а не чудеса творили! – повысила голос я.

– Ты меня тут на горло не бери! – мгновенно озлился этот жиртрест усатый. – Ишь ты, орать на меня каждая истеричка будет.

– Не «тыкайте» мне! Права у вас такого нет! Заявление примете или нет? – хлопнула я по разделяющей нас перегородке ладонями и тут же брезгливо их отдернула. Мало ли кто тут все лапал или отирался.

– Нет.

– Эй, угомони эту визглявую, Степаныч! – хрипло и невнятно проорал кто-то из соседнего помещения. – Х*ли спать не дает.

– Я тебя сейчас угомоню, алкашня, – гаркнул грозно в ответ представитель власти.

– С какой стати? – не думала я сдаваться. – Вы обязаны!

– Ты мне еще тут порассказывай, чё я кому должен и обязан. Тебя ограбили?

– Нет, но...

– Изнасиловали?

– Нет...

– На избитую ты тоже что-то не похожа. Так какого черта отнимаешь у занятых людей время?

– Чем занятых? Этим? – Я ткнула пальцем в газету с кроссвордом, что он разгадывал.

– Девушка, будете хамить, я вас до утра в обезьянник засуну.

А то есть так мы «тыкаем», а как угрожаем, так опять на «вы»? Типа это должно больше меня устрашать? Ха-ха!

– Куда? – не сразу сообразила я, кипя от злости. – За что? Я вам русским языком говорю, что на моего друга напал бешеный уголовник Зима, избил до потери пульса. А потом они с другим громилой затащили Рада в его же машину и увезли в неизвестном направлении. Может, убивают его прямо сейчас!

– А второго звали как? – откровенно насмешливо фыркнул жирдяй в форме. – Весна? Лето?

- Да... да как вы смеете! – задыхнулась от возмущения. – Я чокнутая, по-вашему, или мне больше делать нечего, чтобы торчать здесь в такое время, сочиняя призванные развеять вашу скуку небылицы?
- Девушка, вы знаете, сколько к нам сюда является тех, кому и правда делать нечего? А со всякой ересью и пьяным бредом? А насчет времени... шли бы вы уже домой, а то зажмут где действительно, а нам потом разбирайся.
- Да в чем вы способны разобраться? Я говорю, на человека напали, а вы...
- Ну и где этот ваш пострадавший? – лениво откинувшись на спинку стула, он демонстративно сокрушенно возвел свои заплывшие зенки в гору. Так страдает от навязчивости глупой девки, так страдает! Ну не сволочь ли?
- В машине, вы что, не слышите? Эти подонки сказали, что повезут его в больницу...
- В больницу, значит, да? Те самые гопники, что напали и избили, – он сделал прямо-таки театральную паузу, которая, похоже, что-то была призвана до меня донести. Но не донесла. – Причем совершенно ни за что и на пустом месте?
- Да! – подтвердила я, радуясь, что хоть что-то до него дошло. Напрасно.
- Знаете, что я думаю? Вы, видно, любительница покрутить хвостом. То перед одним, то перед другим, вот парни и сцепились. Вечно от вас, баб, мужикам одни проблемы. Одним по мордасам, других в кутузку, а она вся из себя ни в чем не виноватая дальше пойдет хвостом крутить.
- Да как вы... Что вы себе... Он ко мне приставал! В квартиру вломился! Целовал!
- Который? Тот, что избитый, или второй?
- Оба... – выпалила сначала, но сразу поняла, как это прозвучало. – То есть... прекратите меня путать и валить в одну кучу! Это не одно и то же, а совершенно разное.
- Да неужели?

– Безусловно. Рад целовал, потому что я его помочь попросила. Ну, в смысле, это было по плану, чтобы как раз Зиму этого и отвадить. А как раз Зима этот без разрешения все!

Дежурный снова закатил глаза, тоскливо вздохнул и, грюкнув ящиком стола, положил на стойку передо мной лист бумаги и ручку.

– Валяйте, излагайте подробно весь этот свой бред, – велел он. – Про то, с кем добровольно, с кем по плану, а кто случайно под руку подвернулся, и кто кого избил.

Прозвучало так, будто я какая-то... аж слезы подступили.

– Но вы ведь... вы ведь не станете ничего... – Он смотрел на меня прямо и насмешливо, не скрывая, что догадалась я верно. – Вы же помогать людям должны. Защищать слабых! А он огромный. И хамит. А еще и на брата моего напал. Чуть не задушил!

– И где же ваш пострадавший брат с заявлением, – он даже зад оторвал от стула, издевательски внимательно осмотрев помещение. – Нет? Как и второго якобы пострадавшего?

– Да идите вы! – швырнула я ручку. – Вот потому у нас и бардак такой в стране! Когда он меня изнасилует или убьет, зашевелитесь?

– Ага, – ехидно фыркнул гад при погонах. – Как только, так сразу и приходите. А еще лучше прекращайте пацанам мозги компостировать. Одного выбери и не бегай туда-сюда. А то выгадывают все. – Я, громко цокая каблуками, потопала на выход, пока он бормотал вслед: – И рыбку им, сучкам, съесть, и косточкой не подавиться.

Вот по дороге домой как раз и собрала все чудом пропущенные колдобины и трещины в асфальте, несколько раз чуть не пропахав носом. Ну не разуваться же. Здесь какой только мерзости не валяется! До подъезда доковыляла, чувствуя себя измотанной и откровенно несчастной. Господи, Ирка же меня возненавидит за то, что из-за меня брата ее... И я даже не знаю, где он сейчас и что с ним. Может, надо было не на заявления время убивать зря, а по больницам

искать Рада. Вот что мне делать? По лестнице поднималась, еле ноги волоча.

– Ну и где ты шаталась в такое время? – Ненавистный гопник появился как из ниоткуда на лестничной площадке. В тусклом свете лампочки я его, сидящего на подоконнике, просто не заметила. – Замену этому чмошнику подбирала?

Взвизгнув, я шагнула назад, оступилась и уже полетела вниз. Но он молниеносно поймал меня за руку и рванул на себя. Врезавшись в его твердую грудь своей, я моментально оказалась опутана-захвачена его ручищами. Задергалась, вырываясь.

– Да уймись ты, Варька! – Он опустил голову, задышав жадно у моего виска. – Ну кончай ты дергаться и шарахаться от меня. Дай мне хоть две минуты поговорить с тобой нормально.

– Нормально? – зашипела я, упершись в его грудь что было сил. – А ну отпустил меня, животное!

Глава 12

Нет, ну что за девка! Вот как с такой кошкой бешеной договориться, когда она только и делает, что шипит, колотит меня и при этом по члену ерзает, провоцируя рот с языком ядовитым своим заткнуть, задрать юбку и засадить, чтобы шипела и орала уже хоть по делу.

Я ведь осознал, что опять лажанул. Взорвало мне мозги. Потому что не хер давать свое лицо и губы облизывать всяким... И потащился извиняться. Я! Опять. Перед овечкой кучерявой. Перед девкой в принципе. Первая, последняя и единственная особь женского пола, перед которой я извинялся, была моя мама. В смысле делал это добровольно и осознанно, потому что было правда стыдно за мой трехдневный загул без предупреждения в шестнадцать. Никакое обещание п*здюлей во взгляде отца не подействовало так, как красные, заплаканные глаза мамы и то, как она метнулась ко мне, уже тогда здоровому лосю, и прижалась, цепляясь и рыдая. Я и сам тогда чуть носом не зашмыгал.

И вот сегодня... Ну, бля, не прав я был, напугав ее снова. По-умному надо было. Спокойно. Как в поединке. Дождаться, пока Варька уйдет, а уж тогда разборки чинить. Не бабское это дело – на такое смотреть. И как ни бесил этот чмошник на белом мерсе, но в одном был прав: запугивать женщину, которую внезапно хочешь до охренения, – это п*здец какая неверная тактика. Вот только мыслить связно и логично у меня выходило ровно до того момента, как мои лапы не касались кошки этой злющей. А потом все, случалась неуправляемая детонация.

– Зима, ну его нах, не усугубляй, – скривился Крапива в нашем дворе, поняв, что направляюсь я совсем не в свой подъезд. – Давай завтра на свежую голову ты пойдешь с ней базарить.

– Нет, – отрезал я, глянув на темные окна.

– Да она спит небось уже.

– Час прошел. Ты бы уснул после такого?

– Я не баба, хер знает, как у них мозги работают. Ладно, не хочешь, смотрю... ну давай я хоть с тобой, придержу, если чё...

– Крапива, не лезь ко мне. Хорошего сейчас не выйдет из этого, – честно предупредил его.

– Да и так уже вышло... куда уж х*евей. Вот напишет этот мудень холеный заяву, и чё делать будешь?

– Разберусь.

– Да за*бал ты уже! – огрызнулся Крапива и свалил в темноту.

А я поперся с повинной. Долго звонил в дверь, за которой ни звука. Прислушивался до звона в ушах. Реально уснула, да еще так крепко, или нарочно прячется, не открывает? Охереть ты красавец все же, Зима. Довел девчонку. Так и вовсе на улицу показываться не станет. Урод, бля.

Надо бы домой свалить. Крапива прав: утром оно умнее будет. Но я какого-то хрена не ушел. Уселся на подоконнике на лестничной площадке и что-то аж приуныл. В смысле на душе так погано-муторно опять стало. Я же всегда с девками по-нормальному. И насмешить, и обаять, и угостить мог. Не совсем же какой-то дуболом, что прет вперед с одним только «да-а-ай!».

Но у меня ведь и не было до сих пор, чтобы без взаимного интереса чего затевать. Если видел, что без вариантов, не стоит и заморачиваться, то всегда как-то и пох становилось. Нет, так нет – мир большой, народу много. Не то, чтобы я легких путей искал по жизни, но реально на кой навязываться, если телке ты не по вкусу? Чё за дичь?

А тут... такая жопа. Глобальная, бля. Девка мне с ходу «на хер пошел», а мой хер этот самый на нее стоит, только что еще дым не валит, как из, мать его, трубы. Вот как такая херня с людьми приключается? С чего? На пустом месте!

За этими тоскливыми размышлениями меня и застал стук женских каблуков по ступенькам. И, сука, у меня мигом в паху тяжелеть стало. Будто мой дурной агрегат мог ее узнавать уже и по этому звуку. Я – нет, а он – запросто. Да с чего ты взял, что это она, полено тупое?!

Знал, гад. Варька появилась, поднимаясь медленно, и совсем, по ходу, меня не замечая. Вот где шлялась, а? На улице почти полночь, а она... Приключений на задницу искала? Так нашла! Ну и где в тот момент оказались моя логика и добрые намерения? Само собой, там, где как раз в рифму. В том самом жарком, медово-сладком местечке, куда меня тянет, как *бнутого.

Схватил только и понял: вот никак мне ее не отпустить. Не вариант. Вообще. Пусть что хочет орет и вырывается. Я только запаха ее полными легкими хапнул, прижал к себе – и все. По-ле-те-ли мы, кошка. Верха-низа-земли под ногами кто вокруг не-знаю-не-чую-не-помню-не-слышу. Одну ее. Ощущаю. Впитываю. Вдыхаю. Хочу. Хочу. Сил нет как. И чем больше шипит и дергается, извивается в моих лапищах, тем все хуже. Сказать же хотел чего... Извиниться... Но... все... нет...

Сгреб волосы пятерней. Какие же мягкие, пушистые, п*здец. Натянул, подставляя ее губы, выкрикивающие хер его знает что, под свой оголодавший рот. Впился, облизывая, стирая оттуда чужой любой след. Мое это.

Варька замычала, цапнула за губу, черканула ногтями по щеке. Больно, в башке аж потемнело, но от этого только хуже стало. Снесло меня окончательно. Я оттеснил ее, зажав между собой и подоконником, натянул волосы сильнее, выгибая дугой, открывая ее шею. Чуть не вгрызся в ее кожу, целуя, вылизывая, прикусывая, пачкая, помечая примитивно своей же пущенной ею кровью. Она еще боролась. Совсем чуть. Недолго. Но отчаянно. Царапалась, толкала, лягнуть меня неловко пыталась, рвалась, но я усадил ее на подоконник, ввинчиваясь между ее ног, вынуждая держать их широко раздвинутыми для меня. Сука-сука-сука-ка-а-а-айф, какая же она там горячая! И все это время она шипела и рычала, но не кричала. Не звала на помощь. Твердила мне без конца гневным шепотом «нет-нет-нет-отвали-скот-урод-ненавижу», но НЕ кричала. И я рванул ворот ее платья, добираясь до груди сначала через кружево, обдалбываясь ее ароматом окончательно. Присосался к соску. Варька охнула, дернулась, но совсем уже по-другому.

Я почуял, как хищник чует, когда добыча уже его, уже готова сдаться. Торкнуло. Все. Обратной дороги нет. Мне. Отпустил волосы, ловя ее губы своими и втягивая нас в поцелуй. И да, бл*дь, да, она опять отвечала мне, как тогда на полу. Зло, неистово, жадно, с ходу начав бороться за право вести в этом безумии, но полноценно. Не как подчинившаяся силе жертва, а как взбеленившийся агрессор, как и я. Съездила мне по уху забинтованной рукой, силясь вцепиться в кожу, как и второй рукой.

– Прости! – рыкнул я, зашипев от того, как она полоснула ногтями здоровой руки по шее, явно мстя за дискомфорт.

Заслужил, кошка, и даже от этого кайфую.

– Провались ты в ад! – так же с грозной вибрацией прозвучало мне в ответ, и снова наши рты сошлись, убивая на хрен все разумное. Оставляя только жадность и жажду. Не утолить такое – смертельно. Не живут люди после такого. И в этот раз я не позволю. Не позволю лишить обоих...

Сунул обе лапы под юбку, безжалостно, схватившись за резинку, прям в ключья разодрал ее трусы, освобождая себе дорогу.

– Скотина... – прошипела Варька. – Хоть знаешь, сколько стоят...

Вот так шипи, да, это, бл*дь, до смерти готов слушать.

- Пох*й. Сотню куплю и стану рвать, когда хочу.

Бесцеремонно сдвинул на самый край, потрогал лишь раз мягкие скользкие складочки, убеждаясь, что промокла, аж течет, и без предупреждения вогнал два пальца.

Варька задохнулась, разорвав поцелуй и ударившись затылком о стекло позади себя, а я зажмурился до искр, заскрипел зубами, чтобы не взвыть. Мне в нее надо! Надо ох*еть как. Не пальцами. Сейчас же. Потому что я кончу, кончу, просто глядя на нее такую, ощущая, какая она тугая, отзывчивая на моих пальцах, как в башку прицельно шарашит ее запахом.

Варька еще не опомнилась, а я уже рванул ремень и молнию, выпуская гудящий, как хренов джедайский меч, член наружу. И сразу, без реверансов и прелюдий вдавил головкой в ее скользкий ох*ительный жар. Ревел зверем на бесконечном выдохе, входя в нее по самые яйца.

Под конец Варька взвилась, тоненько взвизгнув, и укусила меня за плечо.

- Потеше, бешеная скотина!

Но я не мог... я ничем не управлял. Знаю, что это позор для мужика. Быть вот таким животным. Обезумевшей хищной тварью, одержимой тупо жаждой спариться. Но только... по-о-о-о-о-е-е-ер.... Даже знай сейчас, что моя Варька - самка, сука, богомола и откусит мою тупую башку, как только кончим, я бы и тогда не остановился. Жизнь и башка взамен на раз ей вдуть... да, считай, задаром!

Глава 13

Я себя потеряла. Снова. Вот только полыхала, задыхалась от жгущих ненависти и ярости, и вот они уже стали ничуть не меньшей по интенсивности похотью. Да-да, грязной, животной похотью, потому что чувственным желанием такое не

назвать. Люди, желающие друг друга, не кусаются и не царапаются, словно обезумевшие звери. Не хватают до боли, до синяков. Это я еще успела осознать, хоть и не в силах была уже все остановить. Остановить себя. Но остатки моего агонизирующего разума, сообщающего мне о внезапной собственной низости, вышибло вторжением Зимы.

Ничего подобного прежде я не переживала. И в первый момент почудилось, что не выдержу. Никогда, даже в мой первый раз, присутствие в моем теле мужчины не ощущалось так запредельно интенсивно. Настолько, что я почти начала вырываться, стремясь хоть чуть-чуть унять эту распирающую боль внутри, но уже секунду спустя, как только он сам сдал назад, отступая, инстинктивно вцепилась в него, обвивая еще и ногами, потому что потерять эту болезненную наполненность показалось страшнее, чем терпеть ее. А потом «терпеть» почти мгновенно превратилось в «еще, немедленно». И вот тут я больше уже ничего не понимала и не пыталась, став просто обнаженными чувствами. От каждого свирепого, казалось, еще более глубокого, чем предыдущий, толчка Зимы меня швыряло в пространстве чистого огня. Как бы я ни цеплялась в него ногтями, ни впивалась зубами, ни обвивала до судорог в мышцах ногами, это ни капли не помогало. Я барахталась в диком урагане, испытывая небывалое, и валилась-валилась или взлетала. До тех пор, пока воздуха совсем не стало, тело завибрировало, затрясло, выгнуло, в голове полыхнуло под его гортанное «да-да, давай, кошка моя... не могу больше».

И уже отстраненно воспринимала, как он подхватил меня с подоконника, вжал в стену спиной и начал вколачиваться с такой силой, будто хотел разрушить. Несколько секунд – и мое плечо обожгло болью от его укуса, сквозь который он стонал и рычал совсем не по-человечески в мою кожу. Он и так меня разрушил. Зверь в человеческом облике, непонятно как добравшийся до низменного, животного во мне, принудительно вытащивший его на свет божий и им воспользовавшийся в свое удовольствие.

Отрезвление наступало стремительно. А с ним и прежняя ярость с ненавистью и отвращением в придачу. К нему. К проклятому Зиме, что теперь обнимал меня так... что я опять начала задыхаться. Но уже по-другому. От омерзения. Даже к тому, как он дышал сейчас. Как касался без остановки губами моего мокрого от пота виска. И шептал какую-то ересь. «Варька-Варька-Варька... девочка моя хорошая... кошка моя сладкая... овечка нежная... чуть не сдох ведь...»

К себе, за то, что позволила... вот такое. Что сдалась. Не сражалась за свое человеческое достоинство до последнего. Дала отыметь себя, как последнюю потаскушку, прямо на лестничной площадке. По сути, где поймал, там и...

Его сперма стекала по моему бедру, быстро охлаждаясь, и меня передернуло.

- Отвали! - Непонятно и откуда силы такие взялись, чтобы оттолкнуть его здоровенную тушу. Да так, что он чуть не рухнул на спину в своих все еще спущенных штанах и едва успел неловко ухватиться за перила.

- Сдурела?

- Урод! Да как ты посмел? - Я шагнула и скривилась от липкости и скользкости между бедер. Ну хоть капля мозгов у этого козла есть, и в меня он не кончил. - Подонок! Подходить больше ко мне не смей! Никогда!

- Варька, да какого ты опять... - Он рванулся ко мне, я от него вверх по лестнице.

- Пошел к черту! Насильник проклятый!

- Да чего несешь? Ты же сама... - Он замешкался, застегиваясь, и это дало мне фору.

- Нет! Ни за что! - я вопила уже чуть не истошно, несясь от него прочь по лестнице. - Я тебя посажу! Тварь! Ублюдок!

Он почти схватил меня, но я успела захлопнуть дверь перед его носом.

- Варька, да кончай ты психовать! - грохнул он кулачищем в хлипковатую дверь. Не факт, что устоит, начни он колотить всерьез. - Я же правда хочу все всерьез с тобой! Давай по-людски все. Ты мне... тянет меня к тебе, короче.

- А меня от тебя тошнит!

- Брехня! Я, по-твоему, тупой или не понимаю, когда баба... когда ей... открывай! Какого хера мы тут весь подъезд развлекаем.

Господи, а ведь и правда. И до этого наверняка кто-то мог услышать. Ну вот, теперь все будут в курсе, что в дом вселилась шлюха, что дает каждому, кто схватит, прямо на лестничной площадке. Спасибо тебе за это, скотина!

- Убирайся! Катись в ад! Иди к черту! Не подходи никогда! Сдохни вообще, тварь! Ненавижу тебя!

- Чокнутая! - грохнул он еще раз в дверь. - Ты сама разберись, чего хочешь. Сама ведь...

- Нет! С тобой - ни за что! Лучше умереть. Ты меня изнасиловал!

- Варьк, ну ведь неправда это.

- Проваливай!

- Ну и пошла ты! Дура! Я свое получил. И ты тоже. Как готова будешь это признать - дом напротив, квартира восемь. А хорьков своих сюда водить и не пытайся. Будет что и с этим, поняла?

- Да как ты смеешь?!

Но ответом мне были только удалявшиеся шаги.

Я уткнулась лбом в дверь, осознавая, что вся трясусь как от холода. Ноги подгибались, легкие горели, резко затошнило.

Я проковыляла в ванную, радуясь, что хоть брата нет и он не стал свидетелем моего позора, и еще больше, что он снова не пострадал, столкнувшись с этим психованным. Включила воду и провела по бедру пальцами, собирая размазанную там сперму. Уставилась на поблескивающую влагу, кусая губы. Ведь даже не заплачешь теперь. Этот гад Зима же прав. Я ему сдалась, потому что сама этого хотела. Неосознанно. Хотела, чтобы меня зажал и поимел на лестнице отморозок, что недавно избил чуть не до полусмерти моего друга? Что не так с моей головой? Как я могла хотеть этого? Еще и испытать оргазм. Да какой! В животе тянуло от небывалой глубины недавних грубых проникновений, между ног саднило слегка, но при этом по всему телу будто пролегли все еще

поющие в отголосках пережитой горькой эйфории струны. Никогда, даже в лучшие чувственные моменты моей жизни, не случилось такого. Нежеланное удовольствие плескалось в теле, как вода в замкнутом сосуде, омывая-облизывая его стенки и все содержимое, и совсем не стремилось утихать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/cherediy_galina/koshka-zimu

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)